

«Поднимаю голову – на меня летит бомба»

К трагической для нашего города дате 80-летия со дня начала блокады Ленинграда мы публикуем историю Валентины Ивановны Никитиной. Полный текст её воспоминаний вместе с историями других ветеранов из нашего округа вы можете прочитать в сборнике «Ленинградский рубеж», выпущенном муниципальным образованием Звёздное. Сборник доступен в «Библиотеке Друзей» (Московское шоссе, д. 2).

Первые подвиги

Война застала нас в Пушкине. Когда вечером мы приехали домой в Ленинград, почти все магазины уже были пусты, продуктов оставалось мало. Начались первые бомбёжки, продовольственные склады горели.

Жили мы в Невском районе, у Финляндского моста. Дома тогда стояли деревянные. Както мы с сестрой сидели у плиты – грелись. И вдруг весь наш дом затрещал, поднялся и осел. Под наше окно попала бомба. А место было жидкое, и бомба ушла вниз. Её так и не достали: слишком тяжёлая оказалась.

Своими глазами я наблюдала подвиг Севастьянова, в честь которого потом даже назвали улицу в Московском районе. (Алексей Севастьянов – советский лётчик-истребитель, участник обороны Ленинграда, Герой Советского Союза. Погиб 23 апреля 1942 года во время выполнения задания по защите Дороги жизни. – Прим. ред.) В небе кружили два самолёта. Ненадолго показалось, что наш истребитель отошёл. А потом он как налетел на фашистский самолёт! Оба самолёта разлетелись, и от них отпали два парашютиста. Севастьянов упал на территорию завода им. Ленина, где в первые дни войны были ПТУшники, в том числе мой друг. Он рассказывал, как к лётчику побежали ребята, а тот им кричит: «Я советский!» Подняли его, помогли.

Когда стало холодно и не было воды, мы ходили с ведрами на Неву. Недалеко от Финляндского моста моряки сделали прорубь. Стояла очередь. Я как обычно пошла туда с саночками, опустила ведро в прорубь, а достать не могу: сил нет. Могла остаться без воды и ведра. Но люди, которые стояли позади, за ноги выгнали меня – понимали, что кому-то эта вода нужна. Я поставила ведро на саночки и поехала домой.

Февраль

В феврале умирало больше всего людей. Папа простудился и слёг, мама тоже заболела. К нам пришёл дядя, который работал в

госпитале у Московского вокзала, сказал, что главврач выделил для нас одно место. Нужно было выбирать, кого отвезти – мать или отца. Иными словами, решить, кого мы должны лишиться. Проплакав всю ночь, утром мы пошли в амбулаторию недалеко от дома, нас там хорошо знали. Врач объяснил, что папа всё равно через семь дней умрёт, а маму ещё можно спасти. На саночках вместе с дядей мы отвезли маму в больницу. Она пролежала там больше двух месяцев.

Пока папа лежал, постоянно говорил: «Жалко, что у нас нет собаки, она бы спасла мне жизнь». Но у нас был только кот, да и того украли.

Папу мы похоронили на Киневееском кладбище, за это отдали карточку.

Жертвы

В апреле, когда снег начал таять, все полезли искать зелень. Такое было зрелище! Люди в меховых пальто дерутся за каждую травинку. Потом уже пошла лебеда, мы ели её. В августе нам давали пакеты с хвоей сосны.

В 42-м году мама пошла работать, сестра вступила в ряды МПВО. Мне тоже надо было куда-то деваться. После окончания семилетки я поступила в техникум, а когда его закрыли,

нас перевели работать на завод.

Хоть город переживал трудные времена, люди оставались людьми, помогали друг другу. Однажды я шла по улице, недалеко от Финляндского моста. Вдруг слышу – самолёт летит. Мы всегда знали, какой самолёт – наш или немецкий. У немецких прерывистый звук, потому что они были наполнены тяжёлыми бомбами. Я подошла к мосту, там стоял солдат. Свист. Поднимаю голову – прямо на меня летит бомба. Солдат, вместо того чтобы убежать и спрятаться, схватил меня в охапку, укрыл собой. В это время бомба упала в воду, рядом с мостом. Когда я подняла голову, то увидела огромный водяной столб чуть ли не до самой проезжей части.

Пожар

Наш дом был разобран на дрова, и мы переехали. В новом месте установилось правило – жильцы по очереди дежурили у парадной. С 7 на 8 ноября, отдежуривав, мы с мамой вернулись замёрзшие и вместе улеглись под одеяло, укрылись с головой. И вдруг, пока мы спали, произошёл взрыв, за ним – ещё один. Кругом всё взлетело, посыпалось. Мы вылезли изпод одеяла – на нём камни и стёкла, вместо окон – одни проёмы, повсюду крики,

стоны. Нас спасло одеяло.

За завалами раздался мужской голос: «Есть ли кто живой?» Мы ответили. Мужчина крикнул нам, что дом уже горит. Лестницы оказались разрушены, повсюду кровь, люди спускались по простыням.

Товарищи по цеху

Летом после прорыва блокады я поступила на завод. Работали по 11 часов – с восьми до восьми, час перерыва. Конвейеры выключали только при сильных обстрелах, всё остальное время они работали. Уже потом нас перевели в другое место – мы заняли помещение Физико-технического института им. Иоффе. Страшное было дело – всё рушить, чтобы устроить цеха.

От дома до института приходилось идти пешком десять километров. Обстрелы были в восемь утра и в восемь вечера, как раз когда люди шли. Однажды мы выполнили все нормы, получили маленький добавочек. Рабочие, радостные, возвращались домой. Я тоже пошла вместе со всеми, человек десять нас было. Но двигались все как-то медленно, и я, подхватив под руки двух

девочек из нашего цеха, зашагала с ними быстрее. В это время – бабах! – начался сильный обстрел. Я сказала девочкам: «Только вперёд, нельзя останавливаться».

Мы добежали до Литейного моста, снаряды продолжают лететь. На мосту разбитые трамваи. Перебежали мост, увидели милиционеров. Они велели бежать по улице Фурманова (Нынешняя Гагаринская улица. – Прим. ред.), там менее опасно. И мы через эту улицу, а потом через Соляной переулок добрались до Невского проспекта. Девочки пошли в другую сторону, а я – домой, к Пяти углам.

Прибежала домой – мама стоит на коленях перед Казанской иконой Божией Матери и молится. Она слышала новости про усиленный обстрел в Выборгском районе. На следующее утро на заводе я узнала, что вся остальная группа, которая шла позади нас, погибла, только одна женщина осталась жива. Так я лишилась своих хороших друзей. Все они очень любили меня и звали Малышом.

Записала
Анастасия Бочкарёва

В 1942 году Валентине Никитиной было 16 лет